

УДК 8

МОЖЕТ ЛИ ПУШКИНА ОЦЕНИТЬ НЕРУССКИЙ МИР?

Тер-Минасова С. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США). E-mail: president@ffl.msu.ru

Известно, что для иностранцев загадка – отношение русских к Пушкину: за что они его так пламенно любят? Почему «Пушкин – это наше все»? Для соотечественников великого поэта, солнца русской поэзии загадка – отношение к нему иностранцев: почему они не признают нашего главного литературного гения? Почему на мировом уровне представляют Россию Толстой, Чехов, Достоевский?

В работе сделана попытка изложить и осмыслить эту ситуацию. В качестве причин, затрудняющих понимание и, соответственно, оценку творчества Пушкина, выделены следующие: 1) «непереводимость» его стихов на иностранные языки (самое распространенное мнение), 2) его *русскость*, его душа, менталитет, национальный характер (это главная причина), что приводит к конфликту культур.

Этот конфликт может быть смягчен комментированием, но не устранен. Пушкин – гений, воплотивший русскую душу, а ее нельзя «понять умом».

Ключевые слова: загадка Пушкина, сложность перевода, виды комментария, конфликт культур и менталитетов, понятие «русскости».

CAN THE NON-RUSSIAN WORLD EVALUATE PUSHKIN?

Ter-Minasova S. G., Doctor of Philologic Sciences, Professor, Chair of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Study of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA). E-mail: president@ffl.msu.ru

It is a well-known fact that foreigners are mystified by Russians' attitude to Pushkin: why is he loved by them so passionately, so ardently? Why is Pushkin "everything we have?" Compatriots of the greatest Russian poet are equally puzzled by the foreigner's attitude to him: why don't they appreciate our unrivalled genius? Why is Russia presented by Tolstoy, Chekhov, Dostoevsky at the international level?

The paper is an attempt to describe and comprehend this situation. The reasons hampering both the comprehension and appreciation of Pushkin's literary works may be summed up as follows: 1) the "untranslatability" of his poems into foreign languages (the most popular opinion), 2) his *Russianness*, his soul, mentality, national character (the main reason) which results in a conflict of cultures. The conflict may be eased by commentaries, but not resolved. Pushkin is a genius who embodies the Russian soul that cannot be "understood by intellect".

Keywords: Pushkin's mystery, complications of translation, types of commentaries, conflict of cultures and mentalities, the concept of *Russianness*.

*Есть имена, как солнце! Имена –
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена.
... Его хвалить! – пугаюсь повторений.*

Игорь Северянин.

**О восприятии Пушкина за рубежом
написано много**

Известно, что в Америке Пушкин более популярен, чем в Англии. Именно в Америке появился в 1846 году первый перевод произведения Пушкина на иностранный (английский) язык – за два года до перевода немецкого и на 8 лет раньше французского. В переводе Густава Клеменса Хебба (Gustav Clemens Hebb) вышла «Капитанская дочка, или великодушные русского бунтовщика Пугачева».

В 1847 году был опубликован первый в Америке очерк Джона Уиттера (John G. Whitter) «Пушкин».

Известно также, что Пушкин привлек внимание американцев не своими художественными и поэтическими достоинствами, а – нежи-

данно – «политическими» причинами: его африканские корни заинтересовали аболиционистов, борцов за освобождение негров, как оружие в их борьбе с расизмом.

Очерк Д. Уиттера, поэта-аболициониста, свидетельствует об этом вполне откровенно: «29 января 1937 года в одном из больших особняков Северной столицы на берегах Невы умирал великий человек... Неужели этот одаренный удивительным талантом, всеми почитаемый и оплакиваемый человек был негром? Да, так оно и было, сколь бы невероятным это ни казалось американскому читателю... Он не стыдился своих негритянских предков. Напротив, он, казалось, гордился своим происхождением, он посвятил несколько стихотворений своему черному предку, морскому капитану» [22].

Наиболее распространенное объяснение большой популярности Пушкина у американского читателя заключается в известной идее (или мифе?) о близости русского и американского национальных характеров, основанный, главным образом, на географических мотивах. «Русскому и американскому сознанию ближе ощущение необозримых просторов, необжитых краев. Обе

нации стремились психологически и физически освоить собственную безмерность» [14]. Д. Стейнер, автор этих строк, далее в своем очерке «Пушкин и американский читатель» развивает мысль о параллели между Пугачевщиной и индейцами.

Говоря о причинах бóльшей популярности Пушкина в США, чем в Англии, следует, по видимому, упомянуть тот лежащий на поверхности, но почему-то умалчиваемый факт, что американская нация, разнородная по составу, в отличие от однородной английской, включает в себя выходцев из России, Украины и других славянских стран, выросших и впитавших в себя как культурное наследие предков великую, особую, ни с чем и ни с кем несравнимую любовь к солнцу русской поэзии – Александру Сергеевичу Пушкину.

Русский человек никогда не поймет, почему Толстой, Чехов, Достоевский, Тургенев более известны на Западе, чем Пушкин. Отдавая дань этим великим столпам русской и мировой литературы, каждый русский знает, что патриарх, отец русской литературы, ее солнце – это Пушкин. Отец – один и солнце – одно.

Поэтому известная, подробно описанная непопулярность Пушкина во внешнем мире и, в частности, в Англии настолько оскорбительна и кощунственна для русского человека, что приводит факты, свидетельствующие о ней, неприятно и совершенно не хочется. Все эти разглагольствования людей, для которых язык Пушкина – **неродной**, о Пушкине, дилетанте, эклектике и подражателе, секрет славы которого в общей отсталости, бедности и провинциальности русской литературы, о неспособности России к восприятию европейской культуры со ссылками на самого Пушкина:

*Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него –
Жеманство, больше ничего* (см. [18]).

Все это огульное непонимание Пушкина, иногда искреннее, иногда нарочитое, политически обусловленное, обычно объясняется и российскими специалистами, и западными «защитниками» великого поэта одной причиной – непереваемостью поэзии вообще и пушкинской в особенности.

С. Н. Козлов и Л. Уэй в своей статье с характерным названием: «Почему поэзию А. С. Пушкина недооценивают на Западе» в качестве от-

вета на заголовок своей работы приводят цитату из введения к сборнику переводов его произведений, изданного в США к 100-летию со дня смерти поэта [20]: «Провозглашение этого поэта высшим воплощением национального гения русского народа общеизвестно. Со временем для соотечественников Пушкина стало привычным считать его равней выдающимся художникам Запада, таким, как Шекспир, Микеланджело, Бетховен. И если весь остальной мир не склонен согласиться с такой оценкой, это все же не позволяет игнорировать А. С. Пушкина как литературно образованную личность. Однако на Западе он ценится менее других потому, что он наименее знаком читателям по сравнению с другими русскими авторами. Причина этого ясна. Его поэзия в наименьшей мере поддается переводу, потому что ей не достает воображения и она наивна по мышлению, а ее магическая сила зиждется на точности, ясности и вербальном красноречии, которое настолько ощутимо, насколько и недоступно для передачи на другой язык. В поэзии А. С. Пушкина есть нечто независимое от содержания, которое, как заметил Чайковский, позволяет ей проникать до глубины души; это нечто заключено в ее музыкальности».

На эту же тему – о непереваемости поэзии вообще и стихов Пушкина – вполне категорично высказался Владимир Набоков: «Моя теория перевода в действительности очень проста. Единственное, что имеет значение, – это идеальная точность перевода, а для этого переводчик должен знать язык, на котором написан текст, так же хорошо, как и свой собственный. Иными словами, это проблема владения информацией, а вовсе не изящества или гладкости... В своей книге о Пушкине и во множестве полемических статей, где я уничтожил атаковавших меня невежд, я объяснил и показал, что рифмованный перевод Онегина **н е в о з м о ж е н** (разрядка моя. – С. Т.), ибо пришлось бы постоянно искажать смысл, чтобы получить точное число слогов и найти рифму, как правило, весьма банальную.

Итак, подстрочный перевод с объяснением текста и обширными заметками останется для меня навсегда единственно возможным инструментом» [1].

В. Набоков, таким образом, утверждает две простые мысли: 1) добиться единства формы и содержания, равного оригиналу, в переводе не-

возможно и поэтому 2) следует отдать предпочтение содержанию («владению информацией») и вообще забыть о форме.

По некоторым оценкам, у Пушкина форма значительно превосходит содержание, поэтому при переводе на иностранные языки он проигрывает. Так, по мнению Николая Бестужева, «Обаяние Пушкина заключается в его стихах, которые, как сказал один рецензент, катятся жемчугом по бархату. Достоинство Рылеева состоит в силе чувствований, в жаре душевном. Переведите сочинения обоих поэтов на иностранный язык и увидите, что Пушкин станет ниже Рылеева. Мысль последнего нельзя утратить в переводе, – прелесть слога и очаровательная гармония стихов первого потеряются» [3].

Известный современный французский философ Жак Деррида считает, что сопротивление переводу – черта любого настоящего поэтического произведения: «Стихотворение, которое не сопротивляется переводу, разве это стихотворение?» [2].

Однако это отнюдь не означает, что нужно оставить попытки перевода стихов на другие языки. Наоборот, чем сильнее сопротивление, тем лучше стихотворение и тем более оснований пробовать его донести до иноязычных читателей: «Когда русский или французский поэт пишет стихотворение, он уже скрепляет печатью или подписью нечто, требующее перевода, желающее пересечь границу» [2].

Не вдаваясь глубже и дальше в проблемы переводоведения, хотелось бы, «пугаясь повторений», неизбежных, когда речь идет о Пушкине, заявить следующее.

Разумеется, невероятные сложности и трудности перевода произведений Пушкина на иностранные языки – одно из главных препятствий для того, чтобы его признали не просто, «поверив русским»²⁷, но как интернациональную миро-

²⁷ См. [18]: «Никто из русских, насколько мне известно не ставит под вопрос литературную репутацию Пушкина. Но можно ли верить русским?», (см. [5]): «Известно, что как явление всемирного масштаба Пушкин осознается и признается лишь теми, кто хорошо знает русский язык и, более того, Россию. Дальше – пропасть: остальной культурный мир лишь уважает его – веря нам на слово, из пиетета к литературе Толстого, Достоевского и Чехова».

вую величину. «Одно из препятствий», но далеко не единственное и даже не самое главное. Самое же главное – это его знаменитая *русскость*, это его душа, национальный характер, которые непонятны нерусскому миру.

Пушкин – душа русского народа, а русская душа, как известно, всегда представляла собой загадку, непонятую тайну для иностранцев.

Академик Е. П. Чельшев в статье «Пушковедение. Итоги и перспективы (к 200-летию со дня рождения поэта)» говорит о «тайне личности» Пушкина, который, по словам С. Булгакова, есть «личное воплощение России», «само откровение Русского народа и русского гения» (см. [12]). В нем говорит наша русская душа, русская природа, русская история, русское творчество, сама наша русская стихия. «Мы дышим Пушкиным, мы носим его в себе, он живет в нас больше, чем сами мы это знаем, подобно тому как живет в нас наша Родина» (см. [12]). Вслед за Булгаковым, пытавшимся раскрыть «качественную определенность души народа», составляющую, по его мнению, сердцевину творчества Пушкина, С. Франк размышлял о путях «познания духовного мира Пушкина» как выразителя «духа нации» (см. [13]).

В чем же заключается «русскость» Пушкина? И. Ильин считал, что Пушкин есть «чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости...», «то, что его вело, была любовь к России, страстное и радостное углубление в русскую стихию, в русское прошлое, в русскую душу, в русскую простонародную жизнь» (см. [12]). С. Франк также писал: «В нем был... какой-то чисто русский задор цинизма, типично русская форма целомудрия и духовной стойкости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства» (см. [13]).

Итак, главная причина непризнания и непонимания Пушкина как первой величины русской литературы – это конфликт культур, менталитетов, конфликт душ, наконец. Предвижу немедленные вопросы: А Достоевский? А Толстой? А Чехов? Ответ – значит, они более интернациональны и менее национальны, чем Пушкин. Пушкин – народный писатель. Я понимаю, что это избитая фраза и что на тему «народности» написано много томов научных изысканий. Но Пушкин – **народный**. Русский человек растет с Пушкиным

и живет с ним всю жизнь. Знакомство с русской культурой начинается со сказок Пушкина. В детстве – сказки, потом школьный Пушкин, вошедший в язык, подсказавший слова на все случаи жизни (энциклопедия), потом все, что можно, о нем: письма, воспоминания, друзья, современники, потомки друзей, критика, словари, литературоведение...

С Пушкиным в историю России вошло огромное количество людей, весь его личный мир, те, кого он любил – и мы их радостно любим, и те, кто его ненавидел – и мы их удивленно ненавидим. Кстати, запоздалая оговорка: понятие: *русский человек* не подразумевает этническую чистоту национальности, русский – это человек, у которого родной язык русский и, соответственно, родная культура тоже русская, поскольку язык и культура – основные средства формирования личности. И Пушкин, с его африканскими корнями, доказывает это как нельзя лучше.

Таким образом, дело не в непереводимости Пушкина: его переводили, переводят и будут переводить. Дело в том, что нерусский мир не понимает его души, дело в конфликте культур.

Представители разных культур видят мир по-разному: это разное видение навязано им их родной культурой и родным языком как носителем и хранителем культуры. Каждое иностранное слово – это перекресток, столкновение культур, потому что между ним и обозначаемым им предметом или явлением реального мира лежит понятие, обусловленное коллективным сознанием народа, связанного одной культурой. Поэтому всякий перевод – это конфликт или – мягче – диалог культур. В этом диалоге наибольший интерес представляет чужая культура: ведь перевод имеет целью знакомство именно с ней, а *чужое* как раз наименее переводимо. Об этом говорит Ю. М. Лотман: «Ценность диалога оказывается связанной... с передачей информации между пересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает ее невозможным. Более того, чем труднее и неадекватнее перевод одной интересующейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого парадоксального обще-

ния. Можно сказать, что перевод непереводимого оказывается носителем информации высокой ценности» [4].

Подведем итоги:

Пушкин непереводим, но непереводимы все, одни – чуть больше, другие – чуть меньше.

Пушкин непонятен нерусскому миру из-за конфликта культур. Но... И опять «но»... Пушкин в плане культуры своего времени все больше непонятен и русским.

Его произведения – это классическая русская литература. Классическим произведением может стать, только пройдя испытание временем. Время идет: прошло более 200 лет со дня рождения поэта. Изменились и продолжают (за последние десятилетия – радикально!) изменяться язык, уклад, образ жизни, общественное устройство – в широком смысле слова культура – все радикально изменилось.

Комментарии, за которые так ратует Набоков, нужны – и во все возрастающем объеме – не только при переводах Пушкина на иностранные языки, но и для русского читателя.

Весь культуросообразный слой языка Пушкина нуждается в разъяснениях.

Еще в 1959 году журнал «Вопросы литературы» опубликовал письмо филолога Юрия Федосюка, поставившего вопрос о том, что «сотни выражений, встречающихся в сочинениях русских классиков и отражающих собственные отношения и бытовые особенности дореволюционной России... становятся для все более широкого круга современных читателей «камнем преткновения» – либо непонятными вовсе, либо понимаемыми превратно... Мне, знакомому лишь с метрической системой, неясно, богат или беден помещик, владеющий двумястами десятин земли, сильно ли пьян купец, выпивший «полштофа» водки, щедр ли чиновник, дающий на чай «синенькую», «красненькую» или «семитку» [16]. Написанное им пособие на эту тему было издано только в 1998 году его сыном М. Ю. Федосюком, профессором факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, под названием: «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века» [17].

В этом пособии автор обосновывает необходимость объяснения социокультурного фона классических произведений: «Да, люди всегда

были людьми, они дружили и враждовали, трудились и развлекались, уступали или боролись, защищая свои жизненные идеалы – без этих общих с нами черт незачем было бы читать и перечитывать произведения о далеком прошлом. Но вот исторические условия, вся обстановка их жизни в очень многом отличались от современных» [17]. Знание истории русского быта описываемых в классической литературе времен нужно «для того, чтобы облегчить восприятие русской классической литературы, убрав слегка застлавшую ее дымку времени, затрудняющую понимание» [17].

Особый интерес в этой связи приобретает изучение комментария к произведениям Пушкина, изданным для иностранного читателя. Как известно [15], такого рода комментарий позволяет оценить восприятие Пушкина иностранным – в данном случае англоязычным – читателем более объективно, более опосредованно, чем при изучении зарубежной литературной критики.

Изучение социокультурного комментирования внеязыковых фактов высвечивает конфликт культур в чистом виде. При этом – повторяем и подчеркиваем – по большей части это конфликт не только одной культуры с иностранной, но и культуры прошлых времен классического произведения с современной культурой.

В качестве материала исследования были использованы зарубежные – в основном английские – издания произведений Пушкина с учебным комментарием на английском языке.

Социокультурный комментарий, имеющий целью обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог остро необходим как иностранному читателю при изучении русского языка, так и современному русскому читателю.

При этом комментарий не только отражает восприятие писателя читателем, но и, что особенно важно, **формирует** его.

Социокультурный комментарий называют также и реальным комментарием, чтобы подчеркнуть противопоставление реалий языковым фактам. Языковой комментарий, по понятным причинам, резко различается в зависимости от того, адресован он русскому или иностранному читателю.

Социокультурный комментарий в основном совпадает – по причине, указанной выше: все разрыв между пушкинской и современной русской культурами все больше перекрещивается с различием между русской и остальными культурами.

Социокультурный комментарий включает:

1. Историзмы – слова, вышедшие из употребления вследствие того, что обозначаемый ими предмет или явление уже неизвестны говорящим как реальная часть их повседневного опыта. Иначе говоря, и слова, и обозначаемые ими реалии ушли из языка и из жизни народа.

Например, *бармы, власяница, воевода, боярство, бунчук, вече, дьяк, плаха, приказный, рядная книга, синклит и т. п.*

2. Архаизмы – устаревшие слова и обороты речи, вышедшие из употребления.

свейский – шведский;

лях – поляк;

егож – форма родительного падежа относительно местоимения из церковнославянского языка: иже, еже;

земь – земля;

заутра – завтра утром;

вечор – вчера вечером;

дотоле – до тех пор;

борзый – быстрый.

3. Слова, изменившие свои значения в современном русском языке:

мамка – кормилица, няня;

мошонка – кисет, кошелек;

язык – народ, племя;

гость – купец, иностранец;

деньга – медная монета;

ток – струя, жидкость;

послушанье – вид церковного наказания, работа, выполняемая в искупление греха;

честный – достопочтенный, преподобный;

бразды – уздечка, упряжь.

4. Реалии, ссылки, аллюзии, требующие фоновых социокультурных знаний, отсутствующих у иностранных и утраченных современным русским читателем.

Комментарий этого рода не просто «переводит» на современный язык устаревшее слово и не

просто объясняет ушедшее из жизни народа понятие: он контекстуально ориентирован, помогает раскрыть замысел автора, дать характеристику персонажа, увидеть событие или действующее лицо через призму описываемого времени, прочитать за текстом, «между строк», то, что было известно и понятно современникам автора.

Приведем примеры:

Воротынский

Ведь Шуйский, Воротынски ...

Легко сказать, природные князья

Шуйский

Природные, и Рюриковой крови

Воротынский

А слушай, князь, ведь мы б имели право наследовать Феодору

Шуйский

Да, более,

Чем Годунов.

Ключевое понятие в этом отрывке из драмы Пушкина. Борис Годунов – это не *рюрикова кровь*. Комментарий к английскому изданию Бориса Годунова [6] объясняет читателю очень важный момент: каждый русский князь, в отличие от не-князя Годунова, может по праву крови стать правителем русского народа [21], так как титул князя обозначает принадлежность к роду Рюрика, легендарного первого (около 862 года н. э.) правителя Руси. Знание этого факта раскрывает глаза читателю и на коллизии драмы, и на обиды «природных, рюриковой крови князей», и на успехи самозванца, и на последующее, после-годуновское развитие русской истории с Шуйским на троне.

Приводимые ниже отрывки становятся понятными читателю, узнавшему из комментария о родственных связях Бориса Годунова: его родная сестра – вдовствующая царица, супруга его предшественника царя Федора, сына Ивана Грозного, а его собственная жена – дочь печально известного предводителя опричников Малюты Скуратова [21].

Воротынский

Но месяц уж протек,

Как, затворясь в монастыре с сестрою,

Он кажется покинул все мирское

... Его сестру напрасно умоляли

Благословить Бориса на державу,

Печальная монахиня – царица,

Как он тверда, как он неумолима.

И далее:

Шуйский

Какая честь для нас, для всей Руси!

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,

Зять палача и сам в душе палач,

Возьмет венец и бармы Мономаха.

После смерти Годунова при восшествии на престол «законного царя» – Лжедмитрия народ нужно настроить против его предшественника:

Пушкин

Московские граждáне!

Мир ведает, сколь много вы терпели

Под властью жестокого пришельца:

Опалу, казнь, бесчестие, налоги,

И труд, и глад – все испытали вы.

Комментатор разъясняет, что жестокий пришелец – это ссылка на татарское происхождение Годунова²⁸. Становится понятной немедленная реакция народа, сотни лет страдавшего от татарского ига:

Народ (несется толпою)

Взять! Топить! Да здравствует Димитрий!

Да гибнет род Бориса Годунова!

Наиболее распространенным комментированием такого рода является объяснение устаревших деталей быта, образа жизни, столь хорошо знакомых современникам Пушкина, но совершенно забытых их потомками. Эти детали весьма существенны для раскрытия внутреннего и внешнего мира героев, отношения к ним автора, оценок читателей-современников. Комментарий в этом случае выполняет роль моста над пропастью, разделяющей «наше» и «то» время, или очков, которые помогут сегодняшнему читателю разглядеть детали минувших эпох.

²⁸ Godunov was supposed to have been descended from a certain Tartar prince who came to serve Ivan I (“Kalita”) in the first of the 14th century. The Godunovs had been for generations free servants of the Grand Dukes of Muscovy. But Boris was the first Godunov to be made a boyar. The Czarina, Mariia Godunova, was in fact the daughter of Grigory Luk’ianovich Skuratov-Bel’sky, nicknamed Maliuta, longtime favourite of Ivan IV and the most notorious of the oprichniki [6].

Рассмотрим, например, через такие очки начало истории о станционном смотрителе: «Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади». Многие комментаторы учебных изданий «Повестей Белкина» ограничиваются лишь переводом на английский язык [11] или вообще не комментируют эту фразу. Однако, современный читатель нуждается в разъяснении системы передвижения пушкинских времен: езда на *перекладных* возможна только на почтовых трактах, по которым регулярно возили почту с остановками на станциях со смотрителями, которым предъявляли *подорожную* – свидетельство о чине, определявшее положенное количество лошадей. *Прогон* – это плата за проезд, выделенная казной. И, наконец, главное: две лошади полагались служащим самого низкого звания [10]. Все вместе эти данные характеризуют и рассказчика, и отношение к нему зрителя, доверившего свою историю человеку именно из низшего, то есть наиболее близкого к нему самому, сословия.

5. Скрытые, как правило, неосознаваемые читателем «непонятные места», в отличие от явных аллюзий, намеки на исторические факты, события, детали быта, образа жизни и пр.

Хорошо общеизвестно описание «мирной цыганской жизни», в которую так хорошо вписался Алеко («Цыгань»).

*Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит
И дань их вольную берет.
Настанет ночь; они все трое
Вяжат нежатое пшено;
Старик уснул ... и все в покое
В шатре и тихо, и темно.*

Вся эта идиллия разбивается о комментарий к *нежтому пшену*: *lit.* “unreaped millet”, *i. e. stolen from the fields* [7]. «Вольный житель мира», «презрев оковы просвещения», питается ворованным пшеном. Эта бытовая деталь высвечивает всю двойственность его жизни, ее фальшь, борьбу в его «измученной душе», которая не может кончиться добром.

Комментатор классического произведения должен быть высокообразованным человеком, должен знать как можно больше об описываемой эпохе, ее культуре, быте, приметах, предрассудках, привычках, обычаях, знать досконально био-

графию автора, критическую литературу о нем, его письма, дневники, черновики и т. п. Тогда он сможет увидеть «между строк» намеки, аллюзии, реминисценции; увидеть – и донести до читателя.

Таким образом, комментирование реальных фактов, отсутствующих в ткани художественного произведения, представляет особые трудности и подчеркивает эрудицию и достоинства комментатора.

Так, в американском издании «Повестей Белкина» [9] комментарий к имени героя «Станционного смотрителя» Самсона Вырина сообщает читателю, что в первом издании «Повестей» Вырин был назван Симеоном, но ошибка была немедленно указана в предложенном списке опечаток. Это показывает, по мнению комментатора, что имя Самсон было значащим для Пушкина, так как одноименный библейский герой был погублен женщиной²⁹.

В повести «Выстрел» в сцене дуэли соперник Сильвио вызвал у последнего особое раздражение своим спокойным поведением перед лицом смерти: «Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня».

Автор комментария к оксфордскому изданию «Повестей Белкина» разъясняет читателю, что эта сцена автобиографична: Пушкин также ел черешни во время своей дуэли с офицером Зубовым в Кишиневе³⁰.

6. Факты, не поддающиеся объяснению из-за того, что «порвалась связь времен».

В некоторых случаях разрыв между культурой пушкинского времени и современной культурой настолько велик, что тот или иной факт реальности уже не поддается объяснению.

В вариантах «Евгения Онегина» у Пушкина есть такие строки: “Женись!” “На ком?” “...На Лидиной”. “Что за семейство! У них орехи подают, они в театре пиво пьют”. Современный читатель недоумевает: какие явно негативные со-

²⁹ In the first edition the name of the stationmaster was given as Simeon Vyrin but the mistake was immediately corrected in the list of printer’s errors appended to shoving the volume, showing that the original name, Samson, referring to the biblical hero deprived of his power by a women, was important to Pushkin [9].

³⁰ The detail is autobiographical: like Silvio’s young adversary, Pushkin was eating cherries at the time of his duel in Kishinev with Zubov, a staff officer [10, p. 18].

циокультурные коннотации не позволяют жениться на бедной Лидиной? Почему угощать орехами или в театре пить пиво настолько противоречило нормам дворянских женихов в культуре пушкинской эпохи, что исключало возможность брака. Собственно значения слов *орех* и *пиво*, разумеется, никакого отношения к контексту не имеют и не проливают света на культурологическую загадку. Ясно одно: общественная жизнь (именно общественная, так как орехи подают гостям, а пиво пьют или не пьют в театре) изменилась настолько, что всякая связь с современностью утрачена, а с нею утрачены и культурные коннотации этих слов. Без специального исследования и последующего комментирования этот контекст непонятен современному русскому человеку.

Еще пример – из Бориса Годунова: Отец Варлаам говорит о Гришке Отрепьеве:

Варлаам:

... Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда – да еще спесивится; может быть кобылу нюхал...

Комментарий к этому выражению только отмечает вульгарность языка, вызывавшую негодование ранних критиков Пушкина³¹ не разъясняя значения самого выражения. Значение же это «теряется во тьме веков»: наказание плетью по судебному приговору совершается на доске – «кобыле» [8].

Подведем итоги.

Почему же все-таки великий русский поэт, солнце великой русской литературы, не получил должного признания в русском мире?

Разумеется, язык является барьером для понимания Пушкина и тем более – наслаждения его творчеством. Однако, по большому счету, все творения художественной литературы, все писатели и особенно поэты неперевоодимы, что не помешало некоторым из них получить мировое признание.

Разумеется, разрыв культур также является барьером для понимания Пушкина и наслаждения его творчеством. Действительно творчество Пушкина, удаленное от наших дней более чем на двести лет, нуждается в пространных объяснениях, как языкового, так и – особенно! – внеязыкового – социокультурного плана. Однако, эти комментарии нужны не только иностранному, но и современному русскому читателю.

В чем же дело? Как разгадать загадку Пушкина? Почему русский читатель воспринимает его так восторженно, так лично, так заинтересованно, так безоговорочно, несмотря на временную разницу культур и непонимание культурных реалий? Почему нерусский читатель не может его оценить и, в лучшем случае, просто «верит русским»?

Ответ один: Пушкин – глубоко народный, национальный писатель, он **гений**, воплотивший русский дух, русскую **душу**. А **гений** и **душа** – понятия, не поддающиеся рациональному, научному описанию и изучению, и поэтому загадку Пушкина нельзя разгадать, как нельзя «понять умом» ни Россию, ни ее народ, ни ее великого поэта.

На этой пессимистической для научных изысканий и оптимистической для Пушкина ноте и хотелось бы поставить многоточие...

Литература

1. Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом // Звезда. – 1996. – № 11. – С. 62.
2. Беседа с Жаком Деррида, Жак Деррида в Москве. – М.: Культура, 1993. – С. 162.
3. Воспоминания Бестужевых. – М., 1931. – С. 25.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Гносис, 1992. – С. 15.
5. Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторических жребий России // Пушкин и современная культура. – М.: Наука, 1996. – С. 31.
6. Пушкин А. С. Борис Годунов. – Bristol: Classical Press, 1995.
7. Пушкин А. С. Цыганы. – London: Bradda Book Ltd, 1962. – P. 27.
8. Пушкин А. С. Борис Годунов Комментарий Л. М. Лотман и С. А. Фомичева. – СПб.: Академ. проект, 1996. – С. 363.
9. Пушкин А. С. Повести Белкина. Calif, USA, 1983.
10. Пушкин А. С. Повести Белкина. – Oxford, 1947.

³¹ It is this kind of shocking vulgar language that caused the indignation of some of Pushkin's early critics [6].

11. Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. – М.: Рус. яз., 1982.
12. Пушкин в русской философской критике. – М., 1990. – С. 270.
13. Пушкин и современная культура. – М.: Наука, 1996. – С. 17–18.
14. Стейнер Д. Пушкин и американский читатель // Америка. – 1963. – № 77.
15. Тер-Минасова С. Г. Пушкинская проза в восприятии англоязычного читателя // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 2.
16. Федосюк Ю. А. Такое пособие необходимо // Вопр. лит. – 1959. – № 6.
17. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков или Энциклопедия русского быта XIX века. – М.: Флинта: Наука, 1998. – С. 6.
18. Johnson C. A., Pushkin. A Personal View. Contemporary Review. – L., 1965. – Nov. vol. 206, № 1198.
19. Patrick and April Wreath. Alexander Pushkin: A Bibliography of Criticism in English, 1920–1975 // Canadian – American Slavic Studies. – Montreal, 1976. – Vol. 10, № 1.
20. The Poems: Prose and Plays of Alexander Pushkin. – N. Y., 1936. – P. 11. **Цит. по: Пушкин и современная культура** – М.: Наука, 1996. – С. 311.
21. Theoretically at least, every Russian boyar who bore the title князь was descended from Riurik the Varangian who, according to tradition, founded the Russian state around A. D. 862. His blood was therefore as noble as that of the ruling dynasty.
22. Whitter, J. G. Pushkin. Nat. era: Wash, 1847. – Febr. 11. – Vol. 1, № 6. – P. 2. **Цит. по: Новые зарубежные исследования творчества Пушкина.** – М., 1986. – С. 85.

References

1. Beseda Vladimira Nabokova s P'erom Domergom // Zvezda. – 1996. – № 11. – S. 62.
2. Beseda s Zhakom Derrida, Zhak Derrida v Moskve. – М.: Kul'tura, 1993. – S. 162.
3. Vospominanija Bestuzhevyh. – М., 1931. – S. 25.
4. Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv. – М.: Gnosis, 1992. – S. 15.
5. Nepomnjashhij V. S. Fenomen Pushkina i istoricheskikh zhrebij Rossii // Pushkin i sovremennaja kul'tura. – М.: Nauka, 1996. – S. 31.
6. Pushkin A. S. Boris Godunov. – Bristol: Classical Press, 1995.
7. Pushkin A. S. Cygany. – London: Bradda Book Ltd, 1962. – P. 27.
8. Pushkin A. S. Boris Godunov Kommentarij L. M. Lotman i S. A. Fomicheva – SPb.: Akadem. proekt, 1996. – S. 363.
9. Pushkin A. S. Povesti Belkina. Calif, USA, 1983.
10. Pushkin A. S. Povesti Belkina. – Oxford, 1947. – P. 18.
11. Pushkin A. S. Povesti pokojnogo Ivana Petrovicha Belkina. – М.: Rus. jaz., 1982.
12. Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. – М., 1990. – С. 270.
13. Pushkin i sovremennaja kul'tura. – М.: Nauka, 1996. – С. 17–18.
14. Stejner D. Pushkin i amerikanskij chitalel' // Amerika. – 1963. – № 77.
15. Ter-Minasova S. G. Pushkinskaja proza v vosprijatii anglojazыchnogo chitalatelja // Russkij jazyk za rubezhom. – 1994. – № 2.
16. Fedosjuk Ju. A. Takoe posobie neobhodimo // Vopr. lit. – 1959. – № 6.
17. Fedosjuk Ju. A. Chto neponjatno u klassikov ili Jenciklopedija russkogo byta XIX veka. – М.: Flinta: Nauka, 1998. – С. 6.
18. Johnson C. A., Pushkin. A Personal View. Contemporary Review. – L., 1965. – Nov. vol. 206, № 1198.
19. Patrick and April Wreath. Alexander Pushkin: A Bibliography of Criticism in English, 1920–1975 // Canadian – American Slavic Studies. – Montreal, 1976. – Vol. 10, № 1.
20. The Poems: Prose and Plays of Alexander Pushkin. – N. Y., 1936. – P. 11. **Cit. po: Pushkin i sovremennaja kul'tura** – М.: Nauka, 1996. – С. 311.
21. Theoretically at least, every Russian boyar who bore the title knjaz' was descended from Riurik the Varangian who, according to tradition, founded the Russian state around A. D. 862. His blood was therefore as noble as that of the ruling dynasty.
22. Whitter J. G. Pushkin. Nat. era: Wash, 1847. – Febr. 11. – Vol. 1, № 6. – P. 2. **Cit. po: Noveye zarubezhnye issledovanija tvorcestva Pushkina.** – М., 1986. – С. 85.